УМИРАЛА СТАРУШКА

Умирала старушка в ленинградской квартире,
Голод высушил тело, седина цвета стали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире —
Смерть играет ноктюрны на безумном клавире.
А так хочется света, чуть побыть в пасторали,
Ну хотя бы наесться, танцевать в светлом зале.
Замирая в объятьях, всё считать «три-четыре»…
Умирала старушка в ленинградской квартире.
В ветхом старом комоде под защитой вуали
За Гражданскую орден и другие медали,
Фотография сына в генеральском мундире.
Далеко сын запрятан лагерями Сибири,
Голод высушил тело, седина цвета стали.
За окном на портрете улыбается Сталин:
«Мы врагов победили, власть советская шире».
Но победные речи бьют из памяти гирей —
Там, в большом кабинете, мать и сына пытали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.
Вспоминается Питер, муж, убитый в трактире,
Из подруг — Зинаида, всё отдавшая лире.
Жизнь тихонько уходит, вдаль стремясь по спирали,
А недавно на внука похоронку прислали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире…
Умирала старушка в ленинградской квартире.

ВСЕВЫШНИЙ, ДАЙ ЧУТЬ-ЧУТЬ ДОБРА

Всевышний, дай чуть-чуть добра,
Чтоб мог простить своих врагов,
Достичь блаженства берегов —
Мне успокоиться пора.
Под шевелюрой серебра
Инстинктов меньше, чем мозгов,
Но уступать ты не готов

Тепла от первенства костра…
Всевышний, дай чуть-чуть добра.
По жизни не богат улов —
Остатки выбитых зубов,
От дам, ушедших, веера.
Убрать бы едкости пера,
Чтоб мог простить своих врагов.
Дождей, прошедших четвергов,
Не донесли ко мне ветра,
Не помогли и буера,
Застряв в суетности снегов,
Достичь блаженства берегов.
Сюрпризами судьба щедра —
Родители пришли вчера,
Ворвавшись в вереницу снов:
«Уйди из банды крикунов».
Мне успокоиться пора,
Всевышний, дай чуть-чуть добра.

ГДЕ МОЙ ОБРАЗ, НИКЕМ НЕ ТРЕВОЖЕННЫЙ

Где мой образ, никем не тревоженный,
Попадающий в цель без погрешности?
Под густыми кустами словесности,
Словно зверь колдуном завороженный
Затаился, а я, заторможенный,
Пропадаю в глухой безызвестности.
Отыскать бы его теплосканером,
Эту тварь обложить бы капканами.
Моё сердце, покрытое ранами,
Бьётся ветром терзаемым банером —
Время мчится безудержным таймером,
А не узнан я многими странами.
По нужде испражняться сонетами,
Быть в фарватере моды течения,
Строгих мэтров ловить предпочтения,

Восхищаться стихами с «приветами»
И не ржать над начальства советами,
Чтоб тебе предавали значение.
Праздник жизни с крутыми попойками —
Почитается Бахус эстетами,
Восхищаются дамы отпетыми,
И сюжеты рождаются койками,
Уносясь вдаль цыганскими тройками…
Не иссякнет Россия поэтами.

ПОГОСТЫ ЗАРОСЛИ ТРАВОЙ

Погосты заросли травой —
Забыты предки,
И мужики бредут гурьбой
Гулять к соседке.
У той нагулянный малец —
Слюнявый даун.
Хрустит закуской огурец:
«За Русь-Державу!».
Вновь прогуляли сенокос,
Грядёт уборка.
Парнишка, что едва подрос,
Блюёт в ведёрко.
Ведь если кто-то бросит пить,
То избу спалят.
Кругом разруха, грязь и гниль…
Гуляй, славяне!

ИГРАЕТ РОНДО БЕСПРОСВЕТНЫЙ ДОЖДЬ

Играет рондо беспросветный дождь,
И пузырятся, разрастаясь, лужи.
Какой печальный наш прощальный ужин —
Как будто в гроб вколачивают гвоздь

Тому, что, так мечтаясь, не сбылось.
Как хрупкий иней предстоящей стужи,
Колье из мной подаренных жемчужин
Змеёй твоя сжимает крепко горсть…
Играет рондо беспросветный дождь.
Должны спокойными остаться души —
Привычной жизни ритма не нарушим.
Запретного отведали мы гроздь.
Смывает ливень для супругов ложь,
И пузырятся, разрастаясь, лужи.
Любое слово будет неуклюжим.
К чему раскаянье и на кого-то злость?
Судьба слепа, Её стучится трость
Путём, что будет временем завьюжен.
Какой печальный наш прощальный ужин!
Любовь внезапная прошла насквозь,
На сердце не убрать теперь борозд,
Хотя остались прежними снаружи.
Мы панихиду отпуску отслужим,
Как будто в гроб вколачивают гвоздь…
Играет рондо беспросветный дождь.

Я СОБИРАЮ ОЖЕРЕЛЬЕ СЛОВ

Я собираю ожерелье слов,
Рассыпанных весной по мягким травам.
Любви по жилам сладкая отрава —
Ну, наконец, нашёл принцессу снов.
Сюжет до безобразия не нов:
Судьба скрутила с яростью удава,
Но руку протянула мне чернява,
И вопреки сказаньям вещунов
Я собираю ожерелье слов.
До дрожи по истрёпанным суставам
Зовёт в горах заря небес расплавом
Вдыхать волшебный дым ночных костров,
Тонуть в дурмане луговых цветов,

Рассыпанных весной по мягким травам.
С прищуром улыбнулась жизнь лукаво,
Преподнеся прекрасный из даров:
Истоком из замшелых валунов,
Печаль сжигая, как вулкана лава,
Любви по жилам сладкая отрава.
Любви случайной я не рыболов,
Мне нужен спутник, верный до основ,
И пусть её ладонь груба, шершава,
Всевышнему пусть будет вечной слава:
Ну, наконец, нашёл принцессу снов…
Я собираю ожерелье слов.

СТИХАМИ ЛИСТЬЯ ПЛАЧУТ НА ВЕТРУ

Стихами листья плачут на ветру,
Кустарник по могиле ветви стелет.
Навек поэт остался в Коктебеле,
Встречая первым солнце поутру.
Плита подобна тёплому костру,
Что согревает путника доселе.
Стоящему у каменной постели
И в холод, и в июльскую жару
Стихами листья плачут на ветру.
Войны гражданской страшные качели —
Террор людей, как жерновами, мелет.
Спасал людей у смерти на пиру.
Талантом совершённому добру
Кустарник по могиле ветви стелет.
С душой ребёнка в грузно-тучном теле,
Что обожает шалость и игру,
Отдавший дом собратьям по перу,
Творивший на заоблачном пределе,
Навек поэт остался в Коктебеле.
Срывает время фальшь и мишуру,
Не гасит у Волошина искру.
На память о бесстрашном менестреле

Пускай звучит над Киммерией шелест,
Встречая первым солнце поутру.
Стихами листья плачут на ветру…

ПОЕДЕМ, ЗИНА, В КАРАНТИН

Поедем, Зина, в Карантин*.
В ландо поедем, словно графы,
Увидим стены древней Кафы,
Коснёмся времени седин.
Цветаевой Марины сплин
Висит над тропкой звуком арфы,
Кивают шеями жирафы —
На море мачты бригантин.
Поедем, Зина, в Карантин.
Над Феодосией октавы
Читает ветер, хочет славы,
Поэта меряя аршин.
Любимая, на зов витрин
В ландо поедем, словно графы.
Мы получили помощь Марфы**
В годину горестных кручин —
С тобою стал я не один.
Друг друга крепко мы обнявши,
Увидим стены древней Кафы.
К закату солнца апельсин
Кровавит моря желатин.
Пока читаем жизни главы,
Да, помоги нам, Боже правый,
Коснёмся времени седин.
Поедем, Зина, в Карантин.

**Карантин — район города Феодосии с остатками генуэзской крепости.*
***Святая Марфа — в православии покровительница семьи.*